ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Чибирова Алексея Людвиговича
"Скифо-сармато-аланская проблематика
в историографии российского зарубежья XX – начала XXI в.",
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Рецензируемая диссертация состоит из Введения, семи глав, Заключения и обширного списка литературы, источников и архивных материалов (всего 813 единиц).

В целом источниковая база диссертации весьма представительна: автором проработан огромный объем научных и научно-популярных публикаций, источники по древней и раннесредневековой истории, а также архивные материалы, касающиеся скифской, сарматской и аланской проблематики. Осуществленное А.Л. Чибировым исследование носит междисциплинарный характер и удачно синтезирует данные четырех, хотя и взаимосвязанных, но всё же различных наук: истории, археологии, этнографии и филологии. Следует отметить, что автор демонстрирует безусловную компетентность во всех этих сферах и глубокое знание соответствующей обширной научной литературы. При этом в ходе работы над диссертацией А.Л. Чибиров применял различные методы исследования: историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-биографический и ретроспективно-аналитический.

Во Введении автор обосновывает актуальность исследования, каковая прежде всего обусловлена отсутствием к настоящему моменту обобщающих работ, касающихся вопросов этно- и культурогенеза североиранских народов, проблем скифо-сарматской, сармато-аланской и алано-осетинской преемственности, именно в ракурсе сопоставления позиций советских и

постсоветских исследователей с концепциями зарубежных ученых-эмигрантов XX–XXI вв. Также в этой части работы определена основная цель диссертационного исследования — обзор и разносторонний анализ научного творчества по истории, археологии, языкознанию и религиоведению известных представителей российского зарубежного научного сообщества XX-XXI вв., связанных с ключевой проблематикой древних ираноязычных народов Юго-Восточной Европы, тогда как к этой проблематике, по мнению автора, относятся «этно- и культурогенез, история, общественный строй, основные культурные акценты, взаимоотношения с греко-римским миром, культурная преемственность и др.» (с. 16). Далее автор представляет большой список задач, из которых важнейшей является комплексный анализ трудов четырех видных ученых-эмигрантов - двух из «старой» и двух из «новой» волны эмиграции, соответственно М.И. Ростовцева и Г.В. Вернадского, М.М. Казанского и А.М. Лубоцкого.

Глава 1-я посвящена характеристике историографических основ исследуемой автором темы и открывается параграфом, содержащим общий обзор накопленных данных по ираноязычным народам Юго-Восточной Европы, начиная с их индоевропейской «колыбели» и вплоть до истории осетин (включая на этом длинном хронологическом отрезке киммерийскую, скифскую, сарматскую и аланскую проблемы). При этом автор на с. 33 указывает, что первым народом, населяющим эти территории, чье имя известно нам благодаря Геродоту, были киммерийцы. Однако первым, кто упомянул киммерийцев, был Гомер в «Одиссее», локализовавший их где-то на краю земли, «у пределов глубокого Океана» (и автор диссертации это, безусловно, знает, поскольку в следующих главах диссертации - на с. 190 - указывает на соответствующий фрагмент «Одиссеи», а на с. 349-350 приводит соответствующую цитату). Возможно, А.Л. Чибиров, указывая в данном случае на приоритет Геродота в локализации киммерийцев в Северном Причерноморье, имеет в виду идущие в последние годы активные

дискуссии в отношении самого факта пребывания киммерийцев в Восточной Европе (в этом случае исследователи-скептики локализуют их где-то в Закавказье и/или в Передней Азии, а указание Гомера считают внелокальным, обозначающим некую инфернальную зону). Но в таком случае автору стоило бы заранее оговорить этот момент в своем тексте, поскольку большинство исследователей считают, что в данном случае речь в «Одиссее» всё же идет о Северном Причерноморье.

Также замечу, что к авторскому списку важнейших зарубежных публикаций по скифской тематике (с. 37) логично бы добавить монографию известной французской исследовательницы, скифолога и славяноведа Вероники Шильц (Schiltz V. Les Scythes et les nomades des steppes: VIIIe siècle avant J.-C. – Ier siècle après J.-C. (Gallimard, collection «L'Univers des Formes », 1994)).

Второй параграф 1-й главы носит сугубо историографический характер. Здесь автор весьма компетентно освещает процесс становления алановедения и осетиноведения (конец XVIII – конец XIX вв.), начиная от трудов видного источниковеда Г.Ф. Миллера до работ филолога, историка и археолога Ю.А. Кулаковского. Помимо трудов этих ученых, в данном параграфе обзорно анализируются соответствующие проблематике авторского исследования труды большого ряда ученых: Я. Потоцкого, Ю. Клапрота, Ф. Дюбуа де Монпере, Л. де Сен-Мартена, А. Яновского, И. Бларамберга, П.И. Шафарика, В.Б. Пфафа, Д.Л. Лаврова, И. Чавчавадзе, М.М. Ковалевского, В.Ф. Миллера и К. Мюлленхофа. А.Л. Чибирову удается кратко и в то же время удивительно емко проанализировать труды каждого из этих ученых и показать эволюцию дисциплин алановедения и осетиноведения. На этом фоне остается лишь пожалеть, что автор, упомянув публикацию Х. Хюбшмана «Этимология и фонетика осетинского языка», никак не анализирует эту работу, ограничившись замечанием, что она

является «достаточно интересной с историографической точки зрения» (с. 70).

Наконец, в третьем параграфе 1-й главы А.Л. Чибиров представляет обзор алано-осетинской проблематике в зарубежной историографии первой половины XX в.; здесь подробно рассматриваются работы Э. Шарпентье, Р. Блайхштайнера, великого полярного исследователя Ф. Нансена и, наконец, знаменитого путешественника Т. Хейердала. При этом концепции Хейердала в аспекте алановедения и алано-скандинавских связей, при всей их популярности, обусловленной легендарной личностью их автора, весьма сомнительны, что удалось А.Л. Чибирову четко показать.

В целом же эта глава, как и все последующие, демонстрирует глубокое знание автором историографии истории скифов, сарматов и алан и ясное понимание основных «узких мест» в системе знаний об этих народах и культурах.

Глава 2-я посвящена обзору современного состояния сармато-аланской проблематики в аспектах археологии, лингвистики и этнологии. А.Л. Чибиров особенно подробно останавливается на научном творчестве и, избирательно, биографиях видных сарматологов - археологов и историков А.С. Скрипкина, В.Ю. Малашева, Д.С. Коробова и С.А. Яценко, на новаторских историко-лингвистических разработках скифолога и востоковеда С.В. Кулланды, а также на этносоциологических работах крупного этнолога В.А. Шнирельмана. А.Л. Чибиров очень четко и продуманно выявляет и представляет основные положения их научных концепций, кроме того, в отношении ряда из них осуществляется биографическое исследование; иногда эти биографии излагаются, на мой взгляд, даже излишне подробно, в результате порой возникают пассажи, которые скорее напоминают лирические отступления (см., например, отдельные сюжеты из биографии В.Ю. Малашева - на с. 102, а также С.А.

Яценко - на с.119-120, 132-133), что несколько экзотично на фоне строго выдержанного диссертационного стиля, в остальном соблюдаемого автором. Хотелось бы, конечно, чтобы автор столь же внимательно проанализировал труды основателей советской савроматологии и сарматологии, каковыми являлись Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, а также ряда крупных сарматологов, таких как А.М. Хазанов, А.В. Симоненко, Л.Т. Яблонский, Б.А. Раев, Т.А. Габуев и др. При этом Алексей Людвигович, безусловно, знаком с их научным наследием, он в той или иной мере в своей диссертации касается работ этих ученых, но не столь подробно, как трудов вышеуказанных авторов.

У меня имеется одно содержательное замечание к этой главе. На с. 135 (прим. 92) автор пишет: «Сколоты – самоназвание всех или одной из групп причерноморских скифов. Некоторые ученые (С.А. Жебелев и др.) считали, что сколотами назывались скифы-земледельцы». Отмечу, однако, что С.В. Кулландой было показано, что слово «сколоты» есть следствие двухвековой (VII — середина V в. до н. э.) эволюции слова «скифы», поскольку в этнониме Skolotoi окончание -toi передает характерный для северо-восточных иранских языков суффикс множественности — tæ, тогда как основа Skolo — это видоизменившееся со временем реконструируемое самоназвание *skuda — «скифы»; фиксируется следующая эволюция: *skuda-ta — далее *skuδa-ta — далее *skula-ta, отсюда Σκόλοτοι у Геродота (Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М., 2016. С. 88-89).

К решению основных задач, поставленных им в своем исследовании, Алексей Людвигович подходит в главах 3 и 4, в которых он анализирует труды выдающегося российского и американского историка и археолога М.И. Ростовцева. В рамках огромного научного наследия М.И. Ростовцева, А.Л. Чибиров специально обращается к трудам в области киммерологии, скифологии, сарматологии и алановедения. Анализу решения вопросов

скифологии в трудах М.И. Ростовцева и сопоставлению их с современными подходами к этой тематике посвящена 3-я глава, а аналогичное исследование в отношении сарматской и аланской проблематики в трудах М.И. Ростовцева – 4-я глава диссертации.

Обзор, анализ и синтез работ М.И. Ростовцева осуществлен А.Л. Чибировым чрезвычайно тщательно, обстоятельно и компетентно. Мне по итогам прочтения данных глав диссертации представляется, что диссертант является крупнейшим на сегодняшний день знатоком творчества М.И. Ростовцева в указанных сферах знания.

При это позволю себе отметить некоторые неточности автора, встречающиеся на фоне в целом безусловно компетентного исследования. Так, на с. 185 А.Л. Чибиров, имея в виду грандиозные Царские курганы скифов на Нижнем Днепре, утверждает, что «после сооружения Огуза, в последней трети IV в. до н.э. (около 330-310 гг. до н.э.) традиция возводить царские курганы исчезает». Однако в реальности наиболее поздним скифским нижнеднепровским скифским царским курганом является не Огуз, а Александропольский курган.

Замечу также, что упоминаемая автором на с. 216 так называемая «автохтонная» теория происхождения скифов, наиболее подробно обоснованная Б.Н. Граковым и, формально, противостоящая миграционной теории А.И. Тереножкина и других исследователей, на самом деле не может считаться вполне автохтонной, поскольку также предполагает некую миграционную составляющую в рамках формирующегося скифского этноса. Концепция Б.Н. Гракова и его последователей о происхождения скифской археологической культуры и самих скифов основана на том, что формирование скифской культуры — это косвенное последствие второй экспансии носителей срубной и постсрубной культуры эпохи поздней бронзы из Нижнего Поволжья в Северное Причерноморье (в конце II — начале I тыс.

до н. э.) и последующего взаимодействия потомков срубников с местным северопричерноморским и северокавказским населением.

Кроме того, автор на с. 233 указывает: «Скифы-«пахари» среди сколотов (Georgoi), согласно справедливому замечанию В.И. Абаева, собственно, именовались Gauπarga – «почитающие скот»». Однако это замечательное открытие В.И. Абаева относится не к скифам-пахарям («аротеры»), а к скифам-земледельцам («георгои») (см. Абаев В. И. Геродотовские Skythai georgoi // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 74—76).

Наконец, на с. 266 автор в своем, в целом весьма компетентном обзоре проблематики скифского звериного стиля, являвшегося одним из объектов пристального внимания М.И. Ростовцева, отмечает, что, как правило, изображения звериного стиля «делятся на три группы – хищники, копытные и птицы, что, возможно, являлось отражением основ идеологической концепции скифов, их видения трехчастной модели мира – нижний, средний и верхний миры». К этому справедливому утверждению нужно, однако, добавить упоминание о еще одном мегаобразе скифского звериного стиля – это синкретические животные, такие как грифоны, крылатые львы, барано-птицы, грифоно-гиппокампы и др. Эти существа как бы соединяют верхний и нижний миры (соответственно хищные птицы и хищные млекопитающие), а иногда несут в себе и черты копытных - признаки среднего мира.

В связи с затронутой темой скифского звериного стиля уже не в качестве замечания, а в целях дальнейшего развития авторской мысли обращу внимание на один его вывод: на с. 259 А.Л. Чибиров указывает, что «хотя специально античные авторы не отмечают почитание фарна у скифов, оно, несомненно, существовало. Это подтверждает множество сохранившихся скифо-сарматских имен, в том числе и царских, с элементом «фарн»». Я же добавлю к этому справедливому выводу следующее

соображение, которое мне ранее уже приходилось высказывать в моих публикациях: вероятно, идея фарна воплотилась в таком специфическом мотиве скифского звериного стиля, как в синкретическом образе барано-птицы, характерном только для восточноевропейской части скифо-сибирского мира.

Глава 5 диссертации посвящена анализу скифолого-сарматолого-алановедческих тем в трудах одного из основателей историко-философской концепции «евразийства» Г.В. Вернадского. А.Л. Чибиров тщательно и подробно рассматривает труды этого крупного мыслителя, причем в ходе своего изложения убедительно показывает, насколько реконструкция исторической картины в работах Г.В. Вернадского была подчинена историософским задачам, что неизбежно приводило к деформациям исторического знания искажениям, особенно с учетом методов «народной этимологии», или псевдолингвистики, которые регулярно применял Г.В. Вернадский. Автор остроумно отмечает, что Г.В. Вернадскому, как «архивариусу» «сильно мешала склонность к поиску этимологий, стремление объяснить любые этнонимы без лингвистической подготовки, порой – простым созвучием с уже известными ему терминами в современных языках» (с. 442). И в то же время А.Л. Чибиров стремится выявить рациональное зерно в трудах Г.В. Вернадского, посвященных истории иранских народов древности. Автор диссертации указывает: «Концепция Г.В. Вернадского о сильном влиянии аланов на русскую историю, его увлечение историей аланов, вне зависимости от крайностей, в которые он впадал, способствовала росту интереса к осетинам как народу, наследовавшему традиции, историю и культуру аланов» (с. 443).

Глава 6-я посвящена состоянию алано-осетинской проблематики в современной зарубежной русскоязычной историографии. Здесь на первый план выходят работы двух крупных современных алановедов - археолога

М.М. Казанского и филолога А.М. Лубоцкого. В своем историографическом анализе А.Л. Чибиров демонстрирует безусловную компетентность, причем как в археологической сфере, так и в лингвистической, поднимая при этом сложные вопросы сармато-аланского континуума и алано-осетинской преемственности. Данный раздел производит чрезвычайно благоприятное впечатление, причем, при всей академичности изложения, это местами весьма увлекательное чтение, особенно в контексте детективной истории про межстрочные записи в эпилоге к «Теогониям» Иоанна Цеца.

Финальная 7-я глава посвящена анализу интересных и ярких, но скорее дилетантских построений, граничащих с паранаукой, в трудах эмигрантов Дзамболата Дзанти и Дзегки Зураева; также анализируются сугубо профессиональные труды филолога Бориса Мысыккаты. А.Л. Чибиров четко проводит грань между псевдоисторическими концепциями Д. Дзанти и Д. Зураева и строго выверенными историко-филологическими исследованиями Б. Мысыккаты. При этом здесь, как и в предыдущих разделах, А.Л. Чибиров проявляет завидную терпимость и глубокое уважение к личности и трудам изучаемых им исследователей. Критика его неизменно уважительна и конструктивна, что заслуживает всяческого подражания на фоне имеющих место бесконечных дискуссий о «национальном первенстве» и на фоне постоянных попыток превратить историческую науку в орудие недобросовестных политиков.

В Заключении подводятся итоги исследования. Автор осуществляет синтез данных, полученных им в ходе историографического анализа. В итоге автор обоснованно дифференцирует два этапа в историографии, связанной с проблематикой древних иранцев Юго-Восточной Европы в трудах представителей российского зарубежья начала XX – начала XXI в: 1) этап 20-х-40-х гг. XX в., связанный в первую очередь с исследованиями М.И.

Ростовцева и Г.В. Вернадского, и 2) этап второй половины XX – начала XXI в., связанный с трудами представителей новой эмиграции.

Диссертация А.Л. Чибирова написана динамично, выразительно и стилистически чрезвычайно продуманно, текст воспринимается читателем легко, несмотря на значительный объем. При этом текст, к сожалению, содержит некоторые опечатки и грамматические огрехи, что, очевидно, объясняется сложностями редактирования большого объема текста. В частности, встречаются неудачные термины, такие как «увлечение «аланоманией»» (с. 113), — это явный плеоназм. Имеются повторы, как, например, на с. 37 и 200. На с. 253 автор отмечает, что «Боспор был местом, где сошлись и переплелись две культуры, два антигена древнего мира – Эллада и северопричерноморские варвары». Однако термин «антиген» здесь вряд ли употребим, т.к. антигеном в биологии, как известно, именуют вещество, которое иммунная система организма воспринимает как чужеродное или опасное и запускает против него защитный ответ; здесь же, конечно, было бы уместнее слово «антагонист». Автор на с. 362 и 366 склоняет этноним китайского происхождения «юэчжи» (как это часто необоснованно делается в научной литературе), хотя, очевидно, что данный этноним не склоняется, причем автор сам же на с. 361 этот этноним обоснованно не склоняет. Однако эти замечания относятся лишь к формальной стороне диссертации, данные недочеты устранимы при подготовке к публикации результатов данной работы и не ставят под сомнение содержательные достоинства рецензируемого фундаментального труда.

Итак, диссертация А.Л. Чибирова – плод большого и кропотливого труда, – как аналитического, так и обобщающего результаты предшествующих работ и самостоятельных многолетних исследований автора. Данная диссертация создает возможность более полного и глубокого

понимания предскифской (киммерийской), скифской, сарматской и аланской проблемы как на региональном, так и на глобальном уровне.

Основные положения и выводы диссертации опубликованы, доложены и обсуждены в научной среде. Автор представил результаты своих исследований на девяти всероссийских и международных конференциях. Основные положения диссертации нашли отражение в пятидесяти одной публикации автора на данную тему, в т.ч. в восьми монографиях и в шестнадцати статьях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Автореферат в полной мере отражает структуру и содержание диссертации.

Таким образом, диссертация Алексея Людвиговича Чибирова полностью соответствует предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук требованиям «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а её автор Алексей Людвигович Чибиров заслуживает присуждения искомой учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования.

Профессор исторического факультета МГУ

доктор исторических наук **А.Р. Канторович**

02 ноября 2026 г.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991 РФ, Москва, Ленинские горы, д.1
Тел. (495)9391000, https://www.msu.ru e-mail: info@rector.msu.ru

Подпись А.Р. Канторовича
заверяю